

Н. Н. Вопленко

ИСТИНА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

В статье рассматриваются актуальные теоретические вопросы понятия и соотношения истины и справедливости. Особое внимание уделяется роли истины в формировании юридической справедливости. Автор видит в истине гносеологические основания справедливости.

Ключевые слова: право, истина, справедливость, законность, интересы, норма.

N. N. Voplenko

TRUTH AND JUSTICE: PROBLEMS OF INTERCONNECTION

The article focuses on the topical theoretical issues of the notion and correlation of truth and justice. Special attention is paid to the role of truth in forming legal justice. The author considers truth as gnoseological grounds for justice.

Keywords: law, truth, justice, legality, interests, standard.

(Окончание. Начало статьи в № 2 (25) 2013 г.)

Истина в праве выглядит достаточно многоликим явлением. Ее можно определить в качестве смыслового ядра понятия, устанавливающего границы понимания соответствия юридических знаний объектам правовой реальности. Именно ядро обозначает и ограждает смысловую определенность вербально выраженной истины юридически значимого текста или действия. Смысловое ядро задает параметры понимания истинности или ложности явлений правового сознания, норм и правовых отношений, в которых выступает юридическая реальность. Центральным элементом смыслового ядра, выражающего правовую истину, выступают нормы действующего законодательства и узловые понятия юриспруденции, обеспечивающие законность и справедливость процессов создания и реализации правовых норм. Истина, таким образом, в своем смысловом и нормативном определении работает на обеспечение справедливости и ценности права. В философской литературе отмечается, что «норма — это интервал, в границах которого объект, изменяясь количественно, сохраняет свою способность удовлетворять человеческую потребность. Эта способность и делает данный объект благом или ценностью» [1, с. 62]. Это позволяет видеть в нормативном закреплении истины практически необходимое средство достижения правовых целей.

Смысловое поле истины, конкретизированное ядром на текстуальном уровне, разворачивается, расшифровывается, поясняется содержанием смысловой периферии. Она предметно, образно, ассоциативно и символически раскрывает и аргументирует понимание смысловых оттенков нормативных требований [2, с. 100—103; 3, с. 60]. Истинность правовых явлений за счет смысловой периферии приобретает аргументированный характер, хотя не исключены и такие ситуации, когда неумелое или намеренно заинтересованное использование ложных языковых средств может увести познание с пути истины. Как заметил Э. Б. Кондильяк, «истину, которая без вымысла нередко была бы холодна, украшают вымыслом, который всегда был бы нелеп без истины. Эта смесь всегда нравится, если только украшения выбираются разумно и расточаются мудро» [4, с. 127]. Поэтому смысловое поле истины в сфере права выглядит как результат интерпретации реализуемых норм права, а также анализа имеющихся по юридическому делу доказательств и аргументации принятого решения. Здесь ядро смыслового поля, представленного в виде нормативных требований, обрастает явлениями смысловой периферии, призванными обосновать и объяснить правоприменительную истину, добытую в процессе предшествующей юридической деятельности. Поэтому «печально» в смысле убедительности выглядят некоторые

правоприменительные акты, принятые без достаточно обоснованной аргументации, позволяющей сомневаться в их истинности.

На наш взгляд, следует преодолеть логико-познавательную ограниченность в использовании категории истины при анализе правовой действительности. Это позволяет выделить следующие основные сферы ее бытия и соответствующие им виды истины:

- а) истинность норм права;
- б) истинность нормативной ситуации;
- в) истинность юридических фактов;
- г) истинность юридически значимой деятельности и ее результатов.

Во всех названных случаях истинность познается как мера или степень соответствия правовых средств (нормы, ситуации, факта, деятельности, акта) идеалам практики прогрессивного развития общества. При этом истинность не может и не должна довольствоваться критериями «приблизительности», «похожести», «достоверности» соответствия результата познания объекту познавательной деятельности. Она требует максимально возможного, не вызывающего сомнений, очевидного соответствия смыслового образа истины юридической практике и ее идеалам в виде законности и справедливости. Происходит трансформация познавательно-оценочного идеала в практическое руководство действиями. Как заметил по этому поводу Г. П. Корнев, «истинное применительно к различным формам социального бытия становится для субъекта положительно-значимой оценкой: истинностью, логической правильностью, точностью, достоверностью и т. п. знаний; добром, справедливостью, нравственностью, законностью... поступков; полезностью, удобством... вещей; эстетическим совершенством произведений искусств и др.» [5, с. 323].

В сфере права истина наиболее тесно связана с законностью и справедливостью юридической деятельности. Но если законность в своих требованиях высвечивает образ правильной, сообразной с нормами действующего законодательства процедуры создания и реализации правовых норм, то справедливость, будучи изначально явлением морального сознания

и нравственной практики, проявляет себя как справедливость юридическая, определяемая спецификой воплощения нравственного идеала в правовой сфере. Последнюю можно определить как состояние отсутствия противоречий в совместном нравственном и правовом регулировании общественных отношений.

Юридическая справедливость есть состояние соответствия нравственного и правового регулирования, выражающееся в качестве законности и легитимности правовых норм, отношений и актов реализации права [6, с. 14]. Другими словами, «справедливость — это такое свойство юридического решения, при котором оно адекватно сложившимся обстоятельствам и социально значимым качествам тех лиц, чьи интересы затрагиваются» [7, с. 133]. Здесь следует обратить внимание на то, что ключевым словом в определении юридической справедливости, как и истины, выступает «соответствие». Но если в понятии истины речь идет о соответствии наших знаний объективной реальности, то в юридической справедливости акцент делается на совпадение моральных и правовых оценок совместного регулирования, результатом чего является качество законности и легитимности юридической деятельности.

Это означает, что истина самодостаточна в своем существовании, юридическая же справедливость нуждается в подтверждении, обосновании через качества законности и легитимности. И это наводит на мысль, что достижение объективной истины в праве выглядит как некий необходимый промежуточный этап на пути движения к обеспечению юридической справедливости. Именно истинное понимание правовой ситуации формирует возможности правильного, обоснованного, целесообразного, законного и в конечном счете справедливого правового регулирования. По этому поводу А. Шопенгауэр отмечал: «...всякая добытая и установленная истина — это завоеванный участок в области проблем знания вообще и прочный опорный пункт для приложения рычагов, которые приведут в движение другие тяжести: мы можем даже в благоприятных случаях разом вознестись с этого пункта до более высокого взгляда на целое,

чем мы имели до сих пор» [8, с. 174]. Эти размышления свидетельствуют в пользу того взгляда, что российский законодатель должен в области процессуального законодательства обратиться к нормативной концепции объективной истины и закрепить необходимость ее достижения при рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел.

Связь истины и справедливости в сфере права проявляет себя на познавательном и практическом уровнях. С точки зрения познавательной логическое мышление, результатом которого является установление формальной истины, выступает гносеологическим основанием последующей справедливой деятельности. Это позволяет констатировать, что «справедливо то, что истинно» [9, с. 282].

С другой стороны, достижение истины в социальной сфере определяет ее нравственно безупречный характер, что в свою очередь прогнозирует легитимность выбора варианта поведения. На практическом уровне из материального содержания объективной истины субъект правового решения черпает аргументы в пользу обоснования справедливости своих действий. Истина, таким образом, определяет законный и справедливый вариант юридически значимой деятельности. Особенно заметно и значимо установление объективной истины при юридической квалификации правонарушения, избрании меры пресечения и наказания для правонарушителя, индивидуализации мер ответственности и т. д.

Подчеркивая тесную связь и социальную сопряженность истины и справедливости, следует признать, что абсолютного совпадения между данными понятиями не наблюдается. Установление истины в человеческих взаимоотношениях автоматически не делает их справедливыми, а лишь создает предпосылки деятельности в этом направлении. Не исключены и такие случаи, когда в поисках максимальной и социально чувствительной справедливости достигнутая истина может быть игнорирована, а ее требования преданы забвению. Но в целом истина содержит в себе качественную и количественную характеристику мер, необходимых для достижения справедливости в нормативно-ценностном регулировании общественных отношений. И это позволяет заметить, что

справедливость определяет социальную ценность истины, ее значение для человеческой практики.

Сравнительный анализ истины и справедливости на понятийном и функциональном уровнях позволяет выявить следующие основные закономерности их бытия и взаимодействия.

Истина проявляет себя как в природе, так и в человеческом обществе. Она — социально значимый результат познания закономерностей тех объектов, на познание которых направлен человеческий разум. Справедливость распространяется в своих требованиях и оценках только

на сферу социальной жизни. Абсурдно было бы говорить о справедливости действия законов физики, механики, химии или результатов математических исследований. Они обретают социальную цену только в процессах их практического использования.

Истина всегда идеальна как смысловое выражение соответствия наших знаний объективной реальности. Справедливость в широком смысле выглядит в качестве объективно сложившейся системы материальных и нормативно-ценностных элементов, обеспечивающих процессы создания и распределения материальных и духовных благ, прав, обязанностей и наказания на основе идеи равенства субъектов и пропорционально их вкладу в общественную жизнь. Она в своем содержании богаче и шире по охвату явлений социальной жизни.

Истина, как уже отмечалось, есть беспристрастная констатация идеи или факта соответствия человеческих знаний объектам познавательной работы. Справедливость же, по общему правилу, всегда есть пристрастная, заинтересованная оценка жизненной ситуации, нормы или результата деятельности людей. Она авторитетом своей оценки призвана удовлетворить человеческие интересы в поисках нравственно оправданного варианта поведения.

Истина всегда конкретна, ибо констатирует вполне определенную выявленную связь между предметами, явлениями, понимаемую как соответствие их средствам познания. Справедливость по своей идее не только квалифицирует конкретные факты и ситуации, но и тяготеет к распространению на все основные сферы человеческой жизнедеятельности:

политику, право, быт, спорт и т. д. Ее можно рассматривать в конкретных обстоятельствах как следствие объективно сложившегося нравственно-политического и правового режима общественной жизни. Это свидетельствует о ее более широкой социальной обусловленности.

Истина дает правильность понимания фактов, норм и состояний, в то время как справедливость предлагает меру регулирования и оценки общественных отношений путем ориентирования познавательной и преобразующей человеческой деятельности на идеалы морали и права.

В научной и публицистической литературе иногда высказывается мысль о сочетании, своеобразном синтезе идей истины и справедливости

в понятии правды. Данный термин выглядит специфическим понятием русского языка, употребляемым в значении того, что соответствует действительности, истине или порядку, основанного на справедливости [10, с. 524]. Это позволяет использовать такие понятия, как «правда— истина»

и «правда—справедливость» [11, с. 233].

О юридической правде в значении справедливости писал Б. Н. Чичерин, определяя ее как взаимоотношения внешней свободы лиц на основе требования, «чтобы каждому воздавалось то, что ему принадлежит по юридическому закону» [12, с. 131], в то время как внутренняя правда требует еще и следования нравственному закону.

Таким образом, жить по правде означает подчиняться требованиям права и нравственности.

В целом же правда представляет собой синтез законопослушности и соблюдения нравственных

добродетелей. Тем не менее понятие «правда» чаще всего употребляется не в строго научном, а в обыденном и религиозном смыслах. В этой связи в межличностном общении бытует требование «говорить правду», «поступать по правде», надеяться, что «правда восторжествует». В христианской этике сложился образ праведника как личности, ставящей целью своей жизни неуклонное соблюдение христианских заповедей и служение Богу. Понятие правды переводит представления об истине и справедливости на уровень повседневной нравственной практики, формирует синтетический образ идеала обыденного сознания и деятельности.

Разумеется, это не должно служить основанием к принижению значимости исконно русского представления о ценности термина «правда»

и возможности его использования в общественной жизни. Речь скорее идет о необходимости теоретического возвышения выработанного народным сознанием понятия правды посредством его осмысления через категории истины и справедливости. Правда, таким образом, предстает в гносеологическом плане как истина с оттенком нравственности и в виде справедливости, основанной на знании истины.

С точки зрения политико-правовой правда проявляется в синтезе истины и справедливости при создании и оценках действия нормативно-ценностной системы регулирования общественной жизни. Все это свидетельствует о сложном, многогранном и исключительно социально значимом характере взаимодействия истины и справедливости.

Список библиографических ссылок

1. Левин Г. Д. Истинность и рациональность. М.: Канон, 2011.
2. Вопленко Н. Н. Толкование права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
3. Гаврилова Ю. А. Объем толкования права. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.
4. Кондильяк Э. Б. Опыт о происхождении человеческих знаний: соч. в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 1.
5. Корнев Г. П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. М.: Академич. проект, 2006.
6. Вопленко Н. Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестн. ВолГУ. Серия 5. 2011. № 2.
7. Ветютнев Ю. Ю. Правовые ценности // Проблемы теории государства и права. М.: Юрлитинформ, 2012.
8. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. М.: АСТ, 2005.
9. Пермяков Ю. Е. Основания права. Самара: Универс-групп, 2003.
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.
11. Печенев В. А. Истина и справедливость. М.: Изд-во политической лит., 1989.
12. Чичерин Б. Н. Философия права. Избр. труды. СПб.: Изд-во С.-П. ун-та, 1998.

© Вопленко Н. Н., 2013